

Опыт с диагностикой в Китае оставил в нём глубокий след, особенно учитывая, что его «болезнь» была необычной. Он не знал, насколько хороши зарубежные врачи, но если бы они обнаружили что-то подозрительное, не исключено, что появился бы второй Жуй Бэйнянь.

— Are you sure? — Кэ Цзин всё ещё не был уверен.

Е Юйфань, несмотря на холодный пот на лбу, настаивал:

— Отмените вызов скорой, я не поеду в больницу! Что бы ни происходило со мной — одержимость духом или реинкарнация, я не могу рисковать, пока сам не разберусь в истинной сути дела.

Видя, что все бездействуют, Е Юйфань крикнул:

— Please sel it!

— ... — В тот момент все были ошеломлены его внезапной решительностью, и никто не осмелился возразить.

А тот, кто только что звонил в больницу, под давлением возможного обвинения в розыгрыше, с сожалением нажал кнопку перезвона.

— Ты выглядишь бледным, может, лежишь ещё немного? — Гуань Хунцзэ проявил заботу.

Е Юйфань не ответил и даже не взглянул на него. Боль в памяти не отпускала, а истощение духа и тела доводило его до изнеможения... Ладно, счёты можно будет свести позже.

Когда он лёг, люди в комнате стали выходить, каждый со своими мыслями о происшедшем.

Хэ Юэси и Го Чжэкай переглянулись, и в конце концов Хэ Юэси смущённо почесал затылок:

— Оказывается, он правда нездоров... Хе-хе!

Го Чжэкай подколот:

— Сяо Юэ, как ты можешь радоваться, что он болен!

Хэ Юэси:

— ...

У окна Тан Чжэнь, скрестив руки, задумчиво смотрела на растения во дворе.

Фан И подошёл к ней с чашкой тёплого молока и посоветовал:

— Чжэньчжэнь, даже если это просто твой мимолётный интерес, я не хочу, чтобы у тебя были с ним отношения... Ты же видела, как он выглядел только что...

Фан И развёл руками, показывая, что это было нечто.

Тан Чжэнь опустила чашку, которую поднесла к губам, больше не в настроении пить.

— Я слышал, что у многих, кто занимается искусством, есть проблемы с психикой, — Фан И бросил взгляд на Го Чжэкай и тихо добавил:

— Этот парень тоже выглядит немного странно, будто не все дома. На самом деле, если тебе нравится такой, как Фу Тинсинь, я бы не беспокоился...

Он хотел продолжить, но Тан Чжэнь сунула чашку ему в руки и, раздражённо отвернувшись, ушла.

Он застыл, затем последовал за ней:

— Что случилось? Я что-то не то сказал?

Тан Чжэнь не хотела с ним говорить и направилась в ванную, оставив смущённого Фан И за дверью.

Она чувствовала что-то кислое в груди, что-то тяжёлое...

Хрупкий, тонкий, страдающий, сильный, холодный... В голове мелькали образы того человека!

Впервые ей захотелось понять парня, узнать его прошлое, что он любит, что ненавидит...

Впервые она хотела не получать, а отдавать, быть рядом, заботиться...

Впервые она почувствовала боль за парня... Это и есть боль? Тан Чжэнь с недоумением прикоснулась к своей груди и грустно улыбнулась.

Бай Цин в шлёпанцах пошла на кухню заварить лимон, почувствовав запах лекарств, спросила у домработницы:

— Что это?

— Барин велел приготовить гостю суп с женьшенем, — с заботой ответила домработница. — Ему стало лучше?

— Не особо, только что уснул, — Бай Цин пожала плечами, доставая из холодильника свежие ломтики лимона, и, увидев, как домработница кладёт миску каши на поднос, спросила:

— Это для него?

— О нет, это для молодого барина Бай Му, он целый день ничего не ел, — с озабоченностью сказала домработница. — Мисс Цин, может, вы поговорите с ним? Так дело не пойдёт.

— ... — Бай Цин сказала:

— Оставьте, я сама отнесу.

Дверь Бай Му была заперта, и Бай Цин долго стучала, пока хозяин не открыл с мрачным лицом:

— Что тебе нужно? — Его тон был неприветливым.

— Ты что, решил стать бессмертным? — Бай Цин тоже не была в настроении. — Думала, ты спишь, раз не пришёл на обед, ты что, хочешь умереть с голоду?

Бай Му взглянул на поднос с нескрываемым отвращением:

— Я не голоден.

Бай Цин подняла брови:

— Не голоден — всё равно ешь, иначе я расскажу старшему брату, и тебя отправят обратно в Китай!

Бай Му:

— ...

Бай Цин, несмотря на то что была ниже брата на голову, вошла в комнату.

Белый кот подошёл и начал тереться о её ногу, мурлыча. Бай Цин поставила поднос на тумбочку, присела и почесала кота под подбородком, ласково сказав:

— Да Винчи, давно не виделись!

Бай Му вернулся на кровать, поглаживая другого кота — длинношёрстного, с жёлтыми пятнами и загадочными золотисто-зелёными глазами, очень красивого.

Оба кота были привезены Бай Му из Китая, им уже было шесть лет, и раньше они были близки с Бай Цин, но сегодня она заметила, что жёлтый кот весь оцетинился и даже издавал угрожающие звуки, и с удивлением спросила:

— Что с Ван Гогом?

Бай Му:

— С сегодняшнего полудня он нервничает.

Бай Цин:

— Может, он заболел?

— Нет, — покачал головой Бай Му. — Сегодня среди гостей был странный человек.

Бай Цин ещё больше удивилась:

— Какой странный?

Бай Му терпеливо успокаивал Ван Гога, не отвечая.

Но он знал, что это из-за того человека... С того момента, как тот вошёл, Ван Гог начал странно мяукать, нервно прыгать и даже пытался спрятаться.

Такое уже случалось раньше, четыре года назад, когда бабушка тяжело болела, и за день до её смерти Ван Гог тоже вёл себя странно. Тогда все в семье Бай были заняты умирающей старухой, и только Бай Му заметил, что поведение Ван Гога было точно таким же, как сегодня...

— Что случилось с тем человеком? — Бай Му тоже слышал шум, но не вышел посмотреть.

Бай Цин рассказала о происшедшем, и Бай Му с недоумением предположил:

— Он умирает?

Бай Цин нервно дёрнула глазом:

— Что за ерунда! Давай ешь!

Бай Му:

— Я не голоден.

Бай Цин достала из кармана мобильный телефон, щёлкнула крышкой, и Бай Му тут же потянулся за миской — с детства он боялся только старшего брата Бай Лэя, и каждый раз, когда Бай Цин грозила рассказать ему, он слушался, без исключений.

Сделав маленький глоток каши, Бай Му скривился, будто выпил горечь, и даже фыркнул от отвращения.

Бай Цин, не обращая внимания, продолжала следить, и Бай Му, мучаясь, доел половину миски:

— Если съем ещё, меня вырвет.

Он сунул оставшуюся кашу Бай Цин и, сонно махнув рукой, велел ей уйти.

Бай Цин с отвращением посмотрела на него — парень был худым до костей, и кормить его было всё равно что давать яд. Чем он вообще жил, воздухом? Она боялась, что однажды он просто не проснётся — умрёт от голода!

Спустившись вниз, Бай Цин вернула миску домработнице, которая, увидев остатки, только покачала головой.

Бай Цин подумала и решила рассказать Гуань Хунцзэ о словах Бай Му...

Она знала, что Бай Му бывает странным, но он редко шутил, и когда она слышала, что он сказал, будто Е Юйфань «умирает», сама испугалась.

Гуань Хунцзэ, услышав её рассказ, тоже изменился в лице. Он беспокоился и пошёл проверить состояние Е Юйфана, боясь, что тот уже не дышит.

Е Юйфань спал беспокойно, ему снились сны.

В них были его собственные воспоминания и воспоминания Ся Сяочуаня, разные фрагменты смешивались, и он не мог понять, кто он на самом деле.

Некоторые сцены повторялись: он под деревом сакуры узнаёт, что Бай Чанцин ушёл; в мастерской Гуань Линьюнь рядом с ним; и тот день ссоры, слова Бай Чанцина и женщины в красном, которые продолжали звучать в его голове...

Потом он оказался в маленькой комнате, где было очень темно, и шторы были плотно задернуты.

Он лежал на кровати, завернувшись в толстое одеяло, не оставляя ни одной щели, потел, дрожал, и ему казалось, что он чувствует запах крови.

Он почувствовал влажность на руке, не зная, пот это или кровь, и в ужасе схватился за

одеяло...

<http://bllate.org/book/16335/1475221>